

**КНЯЗЬ ТУР И ФЕОДОР ВАРЯГ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ
ДРЕГОВИЧСКОЙ ЗЕМЛИ**

Мандрик Светлана Владимировна

старший преподаватель социально-гуманитарных дисциплин
учреждения образования «Белорусский государственный
аграрный технический университет»;
магистр гуманитарных наук

Горанский Андрей Олегович

заведующий отделением катехизаторов Минского духовного
училища; магистр гуманитарных наук, доцент

В статье предпринята попытка интерпретации опубликованных источников (письменных, фольклорных, археологических) для освещения процесса христианизации дреговичской земли (территория Туровского княжества).

Вопрос о распространении христианства на территории современной Беларуси остается одной из открытых проблем для историков и религиоведов. Это происходит в связи с тем, что исследователи продолжают сталкиваться с недостатком источников, что порождает необходимость поиска новой информации и выдвижения оригинальных гипотез на, казалось бы, исследованном вдоль и поперек источниковедческом поле.

Российский филолог, лингвист и историк, академик А.А. Шахматов выдвинул предположение о том, что языческим именем христианина Фёдора Варяга, убитого в Киеве вместе с сыном Иоанном около 983 г. [1, стб. 82–83; 2, с. 302–303], было имя Тур [3]. Сделать такой вывод ему позволило упоминание В.Н. Татищевым под 1144 г. связанной с именем князя Тура «Туровой божницы» [4, с. 162]. В целом смысл этого сообщения заключается в том, что в каком-то месте, связанном с именем Тура, существовал храм, называвшийся «Туровой божницей», позднее носивший имя святых мучеников. Это могли быть варяги отец и сын – Феодор и Иоанн. Рассказывая о них, летописец Нестор замечает, что в Киеве двор варяга Фёдора «стоял там, где сейчас стоит церковь святой Богородицы, которую построил Владимир» [5, с. 61]. По предположению некоторых

историков, во время археологических раскопок у алтаря Десятиной церкви в 1908 г. обнаружены остатки дома варяга (нижний венец сруба размером 5,5 на 5,5 м) [6, с. 132].

Обстоятельно доказывая необходимость отождествления мученика Феодора с Туром, А.А. Шахматов, тем не менее, не отождествляет эту личность с основателем города Турова, считая князя Тура мифологическим персонажем, признавая летописное упоминание о нем [7, стб. 63, 64] этимологической легендой для объяснения названия города [8, с. 460].

Однако мы считаем, что если верно отождествление мученика Фёдора с Туром, то существуют доводы в пользу того, что это упомянутый в летописи основатель города Турова. В.М. Татищев, В.В. Ключевский, У.З. Завитневич и М.М. Тихомиров считают Тура исторической личностью на основании того, что его имя помещено в летописи рядом с именем исторически достоверного Рогволода. В Устюжском летописном своде, составленном в XVI в., Тур назван братом Рогволода [9]. Согласно преданию, записанному в 70-х гг. XIX в. Тур, который, вероятно, не захотел быть ни соправителем, ни подданным старшего брата (Рогволода), занявшего престол в Полоцке, направляется со своей дружиной на юг по Днепру, достигает устья Припяти и поднимается вверх по реке, где в земле дреговичей основывает город Туров [10, с. 2–3].

Тур-Фёдор был известной в Киеве личностью, которую тут знали ещё до крещения под языческим именем. Языческое же имя его сына неизвестно, так как, возможно, Иоанн был крещён ещё при рождении, и потому языческого имени не имел. 24 августа 1909 г. члены Минского церковного историко-археологического комитета прибыли в Туров для произведения раскопок на Борисоглебском кладбище, где весной того же года был обнаружен каменный саркофаг. В процессе раскопок было установлено, что саркофаг относится ко времени основания города и что в нём покоятся останки одного или двух человек (в народе возникла легенда о том, что это – мощи святых Бориса и Глеба), представителей высшего сословья. Череп оказался только один и выглядел он так, что можно было утверждать, что его обладатель был не просто убит, но растерзан: «Затылочная кость отбита, на лбу пробоина. Нижняя челюсть осталась на месте, но на ней лежит треугольный кусок от верхней плиты. Предплечья сложены на груди, причём правое находится над левым. Между бедренными костями заметны в слое земли воронки. В земле сверкают тонкие золотые нити, они расположены по всему костяку, доходя до голеней. На уровне плеч их больше, местами нити длиннее, образуя как бы кисточки. В других местах нити так расположены, что видно, что они были в какой-то узкой ткани, по всей вероятности, служили уткой галуна». Саркофаг с останками убитого князя (или двух убитых князей, так как костей оказалось больше, чем полагается для останков одного человека), был оставлен в Турове, «за исключением черепной чашки, бедренной и большой берцовой кости, каковые вместе с большей частью золотых ниток взяты в Минск» [11]. Велика вероятность того, что этот саркофаг содержит останки мучеников Феодора-Тура и его сына Иоанна. Не случайно саркофаг Тура был найден напротив Тур-колодца, который в крайнем запущенном состоянии существовал в Турове ещё в первой четверти XX в. Предание о Тур-колодце утверждает, что князь Тур принял крещение, при котором колодец был использован в качестве крестильной купели [12]. Народная память сохранила сведения о том, что при Туре тут появились первые христианские храмы. Предание утверждает, что князь построил в своей столице 75 или даже 80 церквей [13, с. 30].

В одном из местных туровских преданий говорится, что каменные кресты, которые до сих пор сохранились в Турове, приплыли по воде и встали напротив города, после чего вода Припяти стала красной от крови [12, с. 561]. Следует заметить, что такие предания о крестах в Европе были обычно связаны с миссионерской деятельностью ирландских монахов. Кроме того, известно, что Туровский князь Святополк состоял в родстве с королем Дании Свеном Виллабородым. Оба они были женаты на сестрах – дочерях польского короля Болеслава Храброго. В свое время у Свена Датского служил Торвальд Путешественник, который затем проповедовал христианство в Полоцкой земле.

Как считает исследователь Туровской земли П.Ф. Лысен-

ко, за которым следуют другие исследователи, в этом предании можно видеть указание на насильственное распространение христианства в Турове [14, с. 192]. Однако в этой связи с версией о мученике Туре-Феодоре данное предание может иметь иной смысл. Туров не нуждался в восприятии христианства от Киева, так как был крещён ранее. Косвенно о крещении Турова до 988 г. может свидетельствовать тот факт, что в письменных источниках отсутствуют сведения о сопротивлении местного населения деятельности Владимира и его сыновей по христианизации подвластных им земель. Князь Тур, будучи родным братом князя Рогволода Полоцкого, не должен был питать симпатии к Владимиру, от чьей руки пал Рогволод. Разделяя настроения своего князя, туровцы, будь они язычниками, должны были бы изо всех сил противиться вере, предложенной им Владимиром. И тогда мы имели бы в летописях сведения о крещении Турова «огнём и мечом». Имеется также предание, которое рассказывает о князьях, которые правили Туровом после смерти Тура. Оно называет князя Владыку, который продолжал христианизацию Туровской земли («При Владыке были попы и кендзы») и Комара [15, с. 46–47].

Кротовочение крестов, припльвших из Киева, таким образом, можно воспринимать как знак свидетельствующий о мученичестве христиан (туровского князя Феодора и его сына Иоанна). Летописный рассказ о мученической кончине варягов в Киеве и предание о туровских крестах, вероятно, связаны с религиозной реформой, которую предпринял князь Владимир, став Киевским князем около 980 г., предполагавшей централизацию языческого культа и сопровождавшейся человеческими жертвоприношениями. Очевидно по образцу киевского капища должны были создаваться культовые центры в городах – центрах племенных княжений, входивших в государство Владимира. Действительно, подобный киевскому культовый центр выявлен в Новгороде. В 1993 г. языческое капище во время археологических раскопок было обнаружено и в Турове [16, с. 32–37]. В 70-е гг. XII в. над местом бывшего капища был построен каменный кафедральный собор. До этого на его месте скорее всего существовал деревянный храм.

Список использованной литературы

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Л., 1926. – Т. I : Лаврентьевская летопись. – Вып. 1 : Повесть временных лет. – VIII с., 286 стб.
2. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.1.63) / А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Е. К. Ромодановская // Русская агнография. Исследования. Публикации. Полемика. – СПб., 2005. – С. 288–308.
3. Шахматов, А. А. Как назывался первый святой мученик? / А. А. Шахматов // Известия Императорской Академии Наук. Сер. 6. – СПб., 1907. – Т. 1. – Май. – С. 261–264.
4. Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. – М.; Л., 1963. – Т. 2. – 352 с.
5. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1999. – 668 с.
6. Романов, Б. С. Роковые предсказания России / Б. С. Романов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. – 313 с.
7. ПСРЛ. – М.; Л., 1962. – Т. 2 : Ипатьевская летопись. – 638 с.
8. Шахматов, А. Разыскания о русских летописях / А. Шахматов. – М., 2001. – 878, [1] с.
9. Устюжский летописный свод. (Архангелогородский летописец). [Под ред. и с предисл. К. Н. Сербиной]. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 128 с.
10. Гаусман, М. Исторический очерк местечка Туров, прежней столицы Туровского княжества / М. Гаусман. – Мн., 1877. – 31 с.
11. Дневник раскопки в м. Турове Мозырского у. Минской губ. // Минская старина. – 1911. – Вып. 2. – 268, II с.
12. Россия. Полное географическое описание Отечества нашего. – СПб., 1905. – Т. 9 – VIII. – 620 с.
13. Лыбынцев, Ю. А. В глубинном Полесье (Турово-Пинская земля) / Ю. А. Лыбынцев. – М., 1989. – 158, [1] с.
14. Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко. – Минск, 1974. – 199 с.
15. Мельников, А. А. Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси / А. А. Мельников. – Мн., 1992. – 199 с.
16. Лысенко, П. Ф. Сказание о Турове / П. Ф. Лысенко. – Мн.: Белорусская наука, 2007. – 118 с.